

Кульджинский крест

Китайским приграничьем наших граждан вряд ли сильно удивишь, челночно-товарный поток уже полтора десятилетия не иссякает. Тем более — Кульджой, до которой всего-то девяносто километров от приграничного Хоргоса.

В принципе, и о русских в Китае тоже многие как-то где-то когда-то слышали: Харбин, КВЖД, вальс «На сопках Манчжурии»...

Но вот, думаю, вряд ли кто-то из нынешних наших сограждан, бывающих в Синьцзяне, среди уйгурских базаров, мечетей и стремительно растущих урбанистических новостроек сегодняшней Кульджи, забрел в одну из махаллей, где старые глинобитные домики и узкие улицы, кажется, помнят не одно тысячелетие. Большинство живущих в таких кварталах — уйгуры. Но вдруг над скромной и истертой от времени калиткой обнаруживается деревянный и тоже не новый православный крест. Здесь живут Луневы, Зарулины и Курганаевы. Все — из сибирских казаков, которых революция 1917-го года привела на китайскую землю.

Николаю Луневу — 32 года. Дед его, Григорий Лунев, увел семью из родных мест сначала в Казахстан, там родился отец Николая, Иван. Однако добралась коллективизация и до казахстанских степей, заставив двинуться дальше. Люди бежали от раскулачивания, от политических чисток, от голода и безысходности.

Вообще же, первые известия о русских в Синьцзяне относятся к 1850 году. Тогда в Томске русский купец Порфирий Глебович Уфимцев сообщал настоятелю Гуслицкого монастыря Московской епархии игумену Парфению о том, что во время многократных торговых поездок в Кульджу познакомился там с китайскими христианами, сообщившими о том, что они по происхождению – русские, по вере – православные. Во второй половине XIX века в Синьцзяне появились русские консульства, торговые представительства. В 1877 году открылась первая русская каменная церковь в Кульдже. К концу XIX века русская колония в Синьцзяне насчитывала около 2000 человек.

Основными центрами расселения русских были Кульджа, Чугучак, Суйдун и Урумчи. До сих пор в облике старых кварталов Кульджи очень четко прослеживается мощное русское культурное влияние: ставенки и резные наличники на окнах домов, потемневшие от времени скамейки у массивных ворот. Если не смотреть на непривычно плоские крыши, то так и кажется, что это – какое-нибудь село в нашем Семиречье. Стоят купеческие дома, оставшиеся с тех времен, когда Кульджа была под юрисдикцией российского трона. Правда, было это недолго: в 1871-1881 гг. в Синьцзяне происходило широкомасштабное антикитайское восстание, и было создано мусульманское государство Йеттишаар, возглавленное Якуб-беком, выходцем из Ферганы. Якуб-бек признал себя вассалом турецкого султана и в Синьцзян поспешили турецкие военные советники и британские офицеры. Быстро выяснилось, что Йеттишаар слишком сильно угрожает восточным границам Российской империи: по советам

англичан Якуб-бек захватил несколько стратегических перевалов на Тянь-Шане и начал борьбу за контроль над рынками Кокандского ханства. Чтобы обезопасить свою восточную границу, официальный Петербург в 1871 г. откликнулся на просьбу китайской стороны и направил в районы, пограничные с Йеттишааром, войска под командованием генерала Г. А. Колпаковского. У русского правительства не было планов включения Илийского края в состав России. По петербургскому договору 1881 г. Восточный Туркестан в целом отошел к Китаю, русские войска были выведены, за Россией осталась лишь часть Илийского края, где были расселены дунгане, уйгуры, казаки. С тех пор в центре Кульджи сохранилось и несколько зданий бывшего российского консульства, украшенных в советское время бюстом вождя мирового пролетариата. Бюст нынешние китайские власти трогать не стали, а русские домики XIX века стали частью комплекса отеля «Или».

К началу XX века Синьцзян, или, как его тогда чаще называли, Восточный Туркестан уже был довольно массово заселен русскими. В 1920-х годах русский язык был признан местными властями, что делало русскую диаспору фактически самоуправляемой. В городах и селениях существовали казачьи комитеты, свои церкви, школы. В районе Синьцзяна китайскую границу переходили белые части генералов Анненкова, Дутова, Бакича. Из остатков этих войск и бежавшего от большевиков гражданского населения в начале 1920-х годов и образовалась многочисленная русская колония, русскоязычное население Синьцзяна росло стремительными темпами: к 1926 году насчитывалось уже до шести тысяч русских. Центром русской диаспоры

стала Кульджа, затем по численности населения шел Чугучак с прилегающими районами, и затем – Урумчи.

Впрочем, и здесь эмигранты по-прежнему оставались в пределах контроля Москвы, кровавые расправы над наиболее именитыми противниками Советской власти следовали одна за другой. Практически, все офицеры, принимавшие участие в белом движении, были постепенно уничтожены. 11 февраля 1921 года в крепости Суйдун группой советских чекистов во главе с начальником Джаркентской уездной милиции Касымханом Чанышевым по заданию Реввоенсовета Туркестанского фронта был убит легендарный казачий атаман и непримиримый враг Советской власти Александр Дутов. Русский полк, который помогал местному правителю – дубаню Шен Ши-цаю – подавить дунганское восстание в 1931-1933 годах был по его же приказу расформирован и отдан советским оперативникам. Попытка организованного ухода остатков русских войск с семьями в центральный Китай, окончилась трагедией. Преемник атамана Дутова, генерал Павел Папенгуд был арестован и казнен за попытку смещения Шен Ши-цая. Позже, в 1937-1938 годах, по ложным показаниям были казнены десятки бывших офицеров и множество гражданских лиц. Обычно их обвиняли в сговоре с японцами и англичанами и попытке создания в Синьцзяне антисоветского государства. Неординарные, а часто и трагичные судьбы русских, проживавших в разные годы в Западном Китае можно перечислять бесконечно...

Репрессии касались преимущественно эмигрантской элиты. Рядовым же беглецам везло несколько больше. Поначалу кто чем занимались. Иван

Лунев, например, подросши, сапожничал, потом работал мельником.. Городские работали по своим специальностям: инженерами, врачами, преподавателями в школах, библиотекарями, портными. Некоторые открывали свои мастерские: портняжные, парикмахерские, кондитерские, фотографические студии. Кузнечным делом занимались, плотницким. В деревнях люди занимались садоводством, хлебопашеством, скотоводством, пчеловодством, рыболовством. Годов так до 1950-х едва ли не все мельники и пасечники в кульджинской округе были русские. В то время местные хозяйки фруктовое варенье варили с медом, который оказывался дешевле сахара...

К этому времени во всех округах Синьцзяна православное население насчитывало около десяти тысяч человек, большинство из них, надо полагать, были русскими. Луневы, Зарулины, Курганаевы, уже находясь в

Китае, перешли в пятидесятничество. Николай рассказывает об этом без излишней эмоциональности, часто свойственной людям религиозным:

– Дед был православным, это уже отец перешел в эту общину. А среди стариков есть и молокане, и другие. Вообще, раньше здесь много было среди русских

кержаков с Алтая. А так, мало нынче русских осталось: в Кульдже, наверное, примерно 650 человек, многие из них — уже от смешанных браков, очень многие потеряли и язык, и обычаи, скорее по привычке называются русскими. У нас в Китае с этим свободно сейчас, каждый может сам отнести себя к той или другой нации.

Николай Лунев — директор местной русской школы.

— Насчет обучения очень запутано все у нас обстоит. В 1960-е годы основная масса русских уехала. Русские школы постепенно закрылись. Но часть оставшихся русских так и не захотела учить своих детей в других школах. В 1981 году по просьбам родителей правительство разрешило открыть русский класс при 6-й средней школе. К 1985 году учеников стало больше, и класс перерос в Кульджинскую среднюю русскую школу, и по сей день существующую. Пока был СССР, для школы высылали журналы, литературу, Московский институт русского языка имени Пушкина нам высылал довольно большую партию учебников. Были такие связи, потом все прервалось. С 1985 по 1996 год все преподавание велось на двух языках китайском и русском, но в основе был русский. Начиная с 1996 года, в основу преподавания положен китайский, чтобы потом можно было поступать и дальше учиться.

Этой школой Николай и руководит.

— Когда окончил школу, оставили работать учителем. Сначала совершенствовался самостоятельно, потом поступил в Илийский пединститут здесь же, в Кульдже, а уже в 1997 году выбрали директором. Четыре года назад прошел в Урумчи стажировку по китайскому языку. Дело в том, что в моем детстве мы жили довольно

изолированно, русский язык я с детства знал хорошо, а вот в китайском знании не хватало.

До недавнего времени у Николая были две дочки. За несколько недель до нашей встречи родился сын — третий. Национальным меньшинствам разрешается иметь двух детей, китайцам — только одного.

— И как же теперь быть?

— Можно все уладить. Мы, русские, не просто меньшинство, мы, если так можно сказать, суперменьшинство. Некоторые имеют даже по четверо. С одних моих родственников требовали штраф в три тысячи юаней, а в итоге обошлось вообще без этого. Очень строго контролируют только китайцев, к меньшинствам относятся лояльнее.

Оставшиеся в Кульдже русские занимаются разными делами: есть бизнесмены, кто-то работает на заводах или фабриках.

— Когда с Россией, Казахстаном, Киргизией бизнес начинался, очень многие наши в этом участвовали. Теперь этот бизнес укрупнился, челноки мало приезжают, больше фирмы торгуют: заказывают товар, через банки оплачивают...

А Николай Лунев — не только директор школы, он еще и член Всекитайского политического консультативного совета.

— В Тарбагатайском округе русских побольше, чем здесь, недавно они создали — вполне официально — русское общество. Хотя, если честно, то там больше потомков от смешанных браков, чисто русских больше у нас.

Еще в конце 1930-х — начале 1940-х годов русское население в Синьцзяне объединилось в «Русское

общество», а со временем многие изгнанники восстановили гражданство СССР, и русское общество трансформировалось в «Общество граждан СССР», игравшее одно время значительную роль в экономической и политической жизни Синьцзяна. Во времена «культурной революции» русское меньшинство считалось «фактором политической ненадежности», в русских подозревали потенциальных шпионов Москвы. Преследовался и любой вид религиозной деятельности: в

справочнике национальных меньшинств Китая, изданном уже в 1978 году, о русских сказано: «До освобождения они исповедовали православную веру, а после освобождения все шире стал распространяться атеизм». Лишившись в «культурную революцию» всех своих крестов и памятников, кульджинское кладбище

перестало быть мемориалом тысячам конкретных русских людей, превратившись в одну огромную братскую могилу. Лишь в последние годы над заросшими бурьяном холмиками стали кое-где вновь подниматься кресты. Повторно. Это — если остались те, кто помнит, где был положен родной прах. Но таковых в Кульдже немного, большинство могил восстановлено теми потомками кульджинцев, которые нет-нет да наедут откуда-то из-за океана. Здесь непонятно, где кончается небольшой огород и начинаются могильные холмики. Среди преимущественно безмолвных могил бродят курочки. Старый Кульджинский Свято-Никольский храм, в котором висела знаменитая Табынская икона Божьей Матери, привезенная когда-то дутовскими казаками и так и ненайденная по сей день, разрушили хунвэйбины... Два года назад по просьбе русской общины на средства правительства Синьцзяна рядом с кладбищем была возведена часовня. Правда, священника нет, и неизвестно, будет ли когда-нибудь...

Период после «культурной революции» — это время выезда русских из Синьцзяна и угасания здесь русской жизни. Многие оформили документы на выезд в СССР, особенно большой поток отправился на освоение целинных земель в Казахстан. Другие же выехали в различные районы СССР для воссоединения с родственниками. Незначительная часть русских, которые боялись возвращения на теперь уже коммунистическую Родину, выехала в Гонконг, а оттуда в различные страны мира, в основном — в Австралию, Аргентину, Парагвай, Уругвай и Канаду. Русская колония в Синьцзяне как таковая фактически прекратила свое существование, сохранились лишь

такие отдельные реликты русской жизни, как скромная кульджинская община. Русское население, в разное время и при разных обстоятельствах попавшее в Китай, на протяжении всего XX века оказывалось заложником тех политических игр, которые периодически разворачивались в регионе после Октябрьской революции в России. Три события — гражданская война, вторая мировая и «культурная революция» в равной степени драматически отразились на жизни русского населения Китая. Оказавшись на окраине цивилизации в степях и горах Восточного Туркестана, эти люди почти постоянно были заложниками той или иной воюющей или готовящейся к войне стороны. В 1930-х — 1940-х годах русские в Китае оказались в сфере имперских интересов СССР и Японии. Затем, в 1950-х и 1960-х, советско-китайский идеологический конфликт нанес еще один удар по остаткам русской диаспоры. Те, кто выжил, в 1970-х годах обнаружили себя на самой передовой линии фронта «холодной войны».

Не удивительно, что на сегодняшний день в миллиардном Китае русских осталось лишь неполных четырнадцать тысяч человек... В последние годы в китайской партийно-государственной практике появилась формула о «13 коренных народах Синьцзяна». В этот список на равных вошли и ханьцы, и уйгуры, и казахи, и монголы, и ... русские, единственный европейский народ, официально признанный в Китае национальным меньшинством.

— Некоторые спрашивают меня, чего ты не уезжаешь? — рассуждает Николай. — Вопрос сложный... Есть национальные чувства, есть ностальгия по Отчизне. Именно так, Родина-то теперь уже Китай. Многие из

наших ездили, и я в том числе, и в Россию, и в Казахстан, я и в Киргизии был. И все мы чувствовали себя там «чужими среди своих». Нет привычки к тому образу

жизни, нет толком навыков каких-то, профессий. Да и смотрим по спутниковому телевидению российские каналы, видим, например, как в России иногда встречаются соотечественников из СНГ. А мы-то будем вообще как инопланетяне!.. Но все равно, это Родина, и есть к ней чувства.

– И что ждет вас в перспективе?

– В перспективе, наверное, или ассимиляция неизбежна, или, какая-то часть, выедем отсюда. Хотя сейчас почему не жить? Сейчас совсем свободно стало. Дэн Сяопин показал нам дорогу. Можно ругать, критиковать начальство, и ничего за это не будет. Демократия, одним словом.

Кашгар – Кульджа – Алма-Ата, сентябрь 2005